

уплощениями, украшенными рельефной звездочкой, они могут хорошо сочетаться с летними открытыми ситцевыми платьями, широко вошедшими в быт за последние годы.

Оформление выставки с использованием витрин нового типа, отвечающих стилю экспонировавшейся мебели, соответствовало общему направлению выставки.

К недостаткам организации выставки следует отнести перегруженность витрин экспонатами и небрежный этикетаж. Каталог выставки не был исчерпывающим, а продававшиеся изделия не могли служить сувенирами, так как принадлежали к старым образцам, не отражавшим экспозицию.

При всех недочетах выставка явилась крупным событием в жизни советского прикладного искусства и значение ее как пролога к систематическим смотрам новых образцов изделий художественной промышленности огромно. Выставка продемонстрировала современный этап формирования стиля советского прикладного искусства.

В организации выставки еще раз проявилась неустанная забота партии и правительства о быте трудящихся, о том, чтобы они не только хорошо трудились и отдыхали, но и красиво жили.

С. Б. Рождественская

НОВЫЕ НАХОДКИ В ДРЕВНЕБЕРИНГОМОРСКОМ МОГИЛЬНИКЕ В УЭЛЕНЕ

Раскопки Уэленского могильника, проводимые с 1957 г. Чукотским отрядом Северной экспедиции Института этнографии АН СССР, уже неоднократно освещались в печати¹. Этот единственный из открытых пока на Азиатском материке древнеэскимосский могильник уже дал в 1957—1959 гг. ряд новых материалов для изучения истории древних эскимосских культур. Достаточно упомянуть хотя бы находку железного реза в этом неолитическом по своему облику памятнике, уникальные антропоморфные фигурки, находку в одной могиле разных типов гарпунов, ранее считавшихся отдельными друг от друга рядом веков.

Не менее интересны находки полевого сезона 1960 г., сосредоточенные в одном погребальном комплексе. Этот комплекс состоит из трех одинаково ориентированных и лежащих друг над другом погребений А, Б, В. Многослойные перекрытия погребений и ранее были обнаружены в Уэленском могильнике, но в данном случае мы имеем дело с комплексом, где могилы объединены общей каменной кладкой, но не менее четко разграничены. Так, нижнее погребение В отделено от лежащего выше погребения Б не только толстым слоем земли (до 0,50 м), но и деревянным перекрытием; погребение Б отделено от нижних слоев подстилкой из дерева, лежащей на специально положенных сланцевых плитках. Расстояние между погребениями А и Б не так велико, как между Б и В (всего 0,10 м), но и их нельзя считать парным захоронением, так как они тоже разграничены слоем земли и деревянной прокладкой (рис. 1). Судя по инвентарю, сопровождающему покойников, оба эти погребения, очевидно, были мужскими. В верхнем погребении А обнаружен комплекс предметов морского зверобойного промысла и охоты, а в погребении Б представлены и такие предметы, как наконечник стрелы, обломок древка стрелы, мужской нож.

Устройство нижнего погребения В представляет особый интерес. Оно ограничено кладкой овальной формы, состоящей из крупных камней. Глубина залегания от поверхности верхней точки кладки — 0,10 м, нижней — 1,05 м. Скелет ориентирован на восток — юго-восток. Глубина залегания черепа — 0,85 м, ног — 0,75 м. Как уже указывалось, над этим погребением найдены следы деревянного перекрытия, отделенного слоем земли от погребения Б. Под костяком погребения В обнаружено большое количество разложившейся шкуры белого медведя² и ветвей кустарника; последний был

¹ М. Левин, Работы на Чукотке в 1957 г., «Сов. этнография», 1958, № 6; Д. Сергеев, Первые древнеберингоморские погребения на Чукотке, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XXXI; М. Г. Левин, Древнеберингоморский могильник в Уэлене, (Предварительное сообщение о раскопках в 1958 г.), «Сов. этнография», 1960, № 1; М. Г. Левин, Д. А. Сергеев, Древнеберингоморский могильник в Уэлене, «Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. (Тезисы докладов)», Иркутск, 1960; М. Г. Левин, Д. А. Сергеев, К вопросу о времени проникновения железа в Арктику. (Первая находка железного орудия в памятнике древнеберингоморской культуры), «Сов. этнография», 1960, № 3.

² В 1957 г. в погребении № 10—11 также был найден мех, остатки которого хорошо прослеживались по всей длине могилы (см.: М. Левин, Работы на Чукотке в 1957 г., стр. 131).

подостлан под шкуру и лежал почти на уровне базы кладки³, которая была специально сооружена для погребения В. Со временем наносные отложения в виде земли, песка и мелких камней в значительной степени засыпали камни кладки и деревянный настил над погребением В. В кладке образовался дерновый слой; на него впоследствии, может быть спустя несколько веков, были положены сланцевые плитки, деревянная подстилка и погребен еще один покойник (погребение Б). Наносные отложения опять образовали дерновый слой, закрывший в некоторых местах камни кладки. На их место было положено несколько небольших камней, обновивших кладку, в которую вновь был положен еще один покойник (погребение А). Таким образом, стратиграфия показывает, что в данном случае мы имеем дело с тремя различными по времени могилами, объединенными общей кладкой.

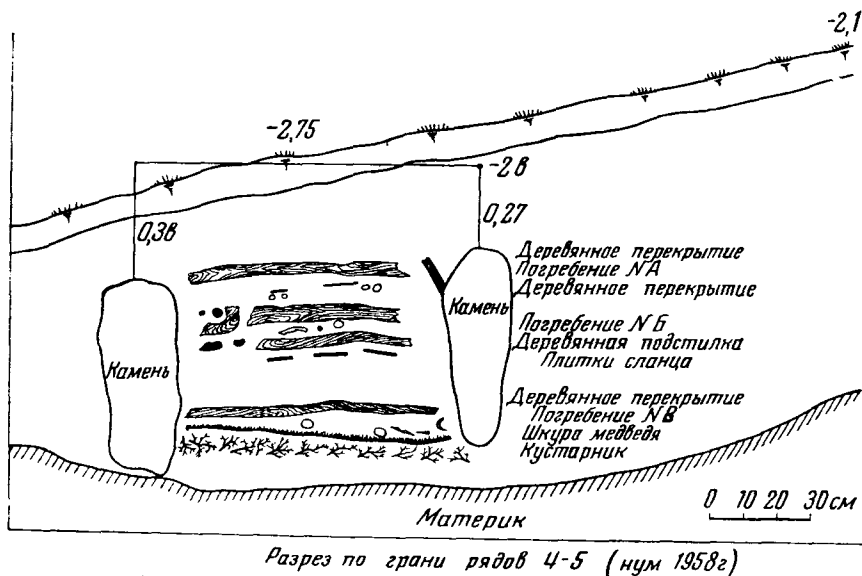
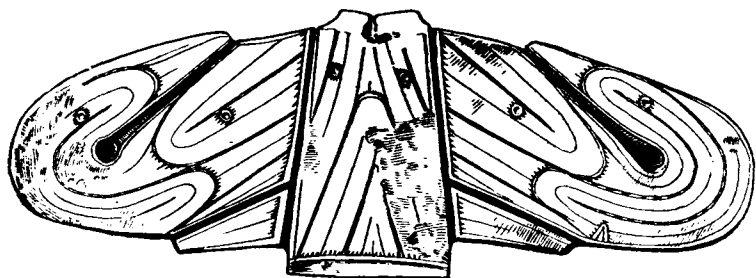

Рис. 1. Поперечный разрез тройного захоронения

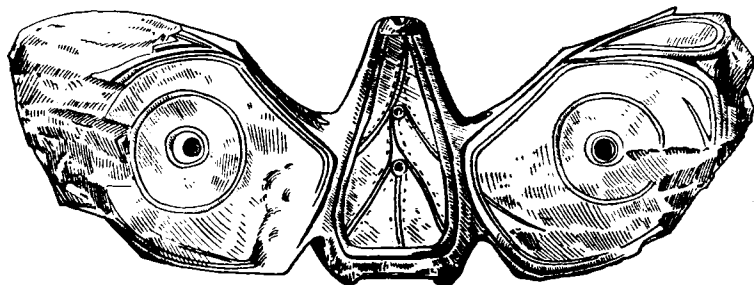
Указанные выше соображения о том, что все погребения совершались через значительные промежутки времени, подтверждаются и найденным в них инвентарем. Так, в нижнем погребении В обнаружен «крылатый предмет» широко представленного в древнеберингоморской культуре типа, с классическим древнеберингоморским орнаментом (рис. 2, а).

В верхнем погребении А также был найден «крылатый предмет» (рис. 2, б). Его форма отличается явной деградацией, а орнамент приобрел черты, близкие к пунукскому времени с типичными углублениями в центре окружности. Характерна для древнеберингоморья и головка древка гарпуна из погребения В, в то время как головка древка гарпуна более позднего времени из погребения А не только очень проста по конструкции, но даже и не орнаментирована. Правда, в погребении А наряду с наконечником поворотного гарпуна, также явно позднего типа (рис. 3, а) был найден типичный древнеберингоморский наконечник поворотного гарпуна (рис. 3, б) с орнаментом, идентичным по стилю орнаменту «крылатого предмета» из погребения В. Однако кажущиеся противоречия могут быть объяснены при привлечении этнографических материалов. В том же 1960 г. Д. А. Сергееву удалось установить, что эскимосы пос. Сиреник и Наукан пользовались найденными пунукскими поворотными гарпунами из кита, вынимая из них каменные концевые копыца и вставляя на их место желез-

³ Ветви этого кустарника до недавнего времени использовались местным населением для утепления полога; их подстиляли под моржовую шкуру, служившую полом в пологе. Что касается медвежьей шкуры, то она явно была постелью погребенного, на которой его и похоронили. (В настоящее время покойника кладут на новую оленью постель, но эту шкуру уже не несут на кладбище, а после похорон дарят кому-нибудь из родственников или наиболее близких друзей.) Этнографические данные свидетельствуют о том, что еще сравнительно недавно, в XVII—XVIII вв., эскимосское население побережья Берингова пролива для постелей и шитья пологов использовало шкуру белого медведя, лишь позже замененную оленьей.

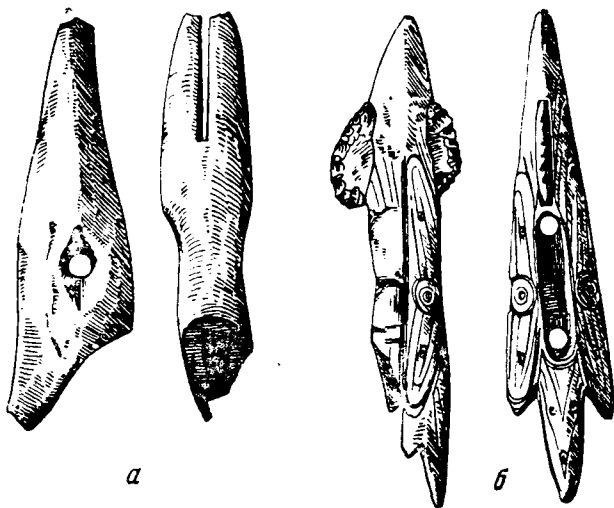

а

б

Рис. 2. а — крылатый предмет из погребения В; б — крылатый предмет из погребения А ($\frac{3}{5}$ натуральной величины)

а

б

Рис. 3. Гарпуны из погребения А: а — поздний тип; б — древнеберингоморский тип ($\frac{2}{3}$ натуральной величины)

ные лезвия. Естественно, что и в более ранние эпохи случайно найденные древние наконечники поворотных гарпунов могли быть использованы. Это подтверждается тем фактом, что цвет моржового клыка, из которого сделан наконечник поворотного гарпуна древнеберингоморского типа, обнаруженного в погребении *A*, значительно темнее, чем другой наконечник поворотного гарпуна и остальные поделки из того же материала, найденные в числе инвентаря погребения *A*. Таким образом, наличие в погребении *A* наконечника гарпуна древнеберингоморского типа не говорит о большой древности данного погребения, а лишь указывает на его генетическую связь с более древними культурами.

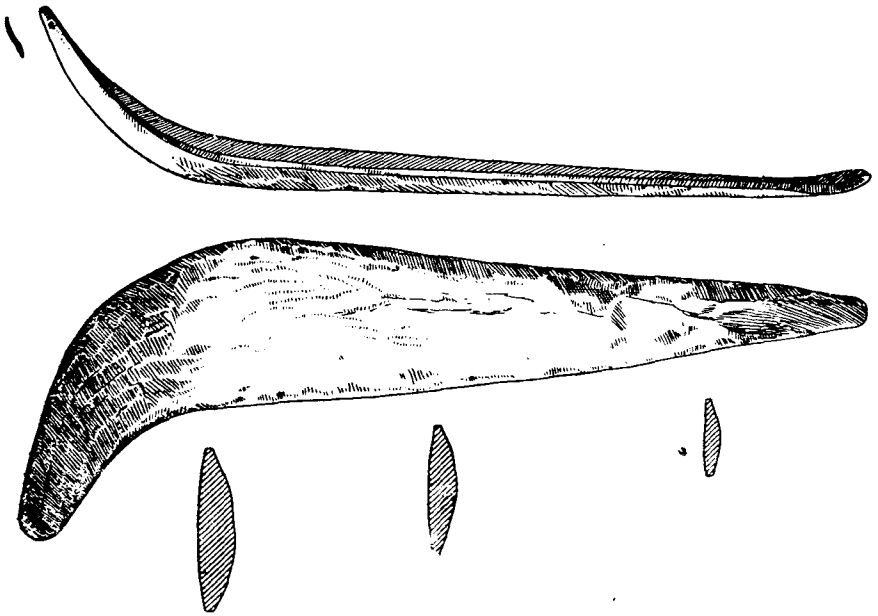

Рис. 4. Бумеранговидная пластина из погребения *B*
($\frac{1}{6}$ натуральной величины)

Выше уже говорилось о некоторых предметах погребения *B*. Не меньшего внимания заслуживает и остальной его инвентарь. Благодаря наличию в кладке погребения линзы многолетней мерзлоты здесь впервые полностью сохранились деревянные предметы, тогда как в других погребениях дерево прослеживается лишь в истлевшем виде и в виде текстуры, сохранившейся в перегною. В погребении *B* найдена деревянная рукоять гатки — разновидности тесла, очень тщательно моделированная и близкая по форме к современным. Рядом с ней был найден другой деревянный предмет (рукоять или древко), имеющий по бокам два паза, назначение которого нам пока неясно. Оба эти предмета лежали в погребении на третьем крупном деревянном предмете (рис. 4). Это — деревянная пластина искривленной формы, внешне напоминающая бумеранг, с той разницей, что плечи ее не равновелики, а толщина несколько больше, чем это обычно свойственно бумерангу. По размерам же пластина совпадает с наиболее распространенными типами этого метательного оружия. Пластина сделана из специально подобранного искривленного куска дерева. Искривленность волокон изначально была присуща дереву и не может объясняться тем, что пластина покоробилась позднее, до помещения в могилу или после этого, так как, во-первых, на поверхности пластины можно проследить прямые срезы — стесы, сделанные при ее обработке и не потерявшие своей конфигурации, а, во-вторых, лежавшие рядом рукоятка гатки и древко несколько не покороблены. В сечении пластина имеет обтекаемую форму, близкую к сечению самолетного крыла. Длинное плечо ее имеет на конце стес, очень удобный для захватывания правой рукой, если держать пластину как обычный бумеранг перед метанием. Может быть, не будет слишком смелым предположить, что мы имеем здесь дело с метательной палицей. Такое предположение тем более обосновано, что и в наши дни среди чукчей и юкагиров низовья Колымы бытует сходное орудие — посох-бумеранг (по-чукотски «тывычгын»), в наши дни употребляемый преимущественно при пастбе оленей, но иногда и при охоте на куропаток, гусей и уток⁴.

⁴ См.: И. С. Гурвич. Метательное орудие на Колыме, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XVIII, стр. 47—49.

В числе каменного инвентаря особо следует отметить большой сланцевый нож (рис. 5, а), к сожалению расколотый и сохранившийся не полностью. В отличие от всех ранее найденных в Уэленском могильнике каменных ножей он имеет сложную конфигурацию сечения. Утолщенный по краям нож с обеих сторон к середине утончается, но по средней его линии вновь проходит утолщенный валик, еще более усложненный сделанным вдоль него на значительной части протяжения пропилом. Такое сечение лезвия представляется бессмысленным для каменного орудия и даже вредным для его прочности. Однако оно может быть легко объяснено, если предположить, что это — каменная имитация металлического орудия, скорее всего литого бронзового меча.

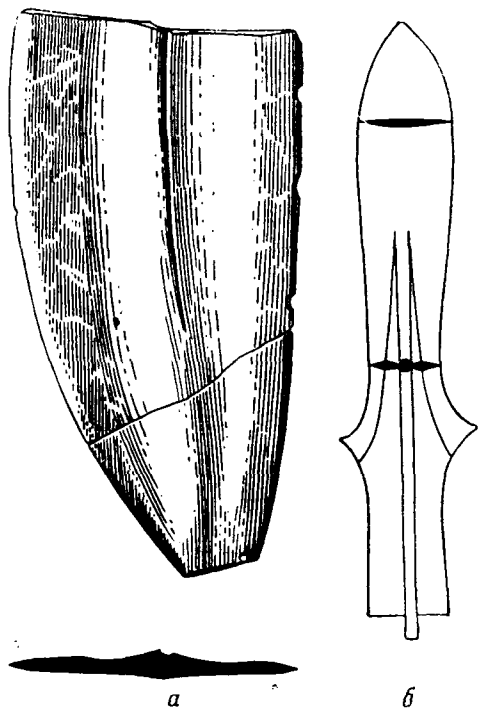

Рис. 5. а — сланцевый нож из погребения В; б — бронзовая алебарда (Япония, начало н. э.)

Нами ранее указывалось на факт проникновения металла (железа) в древнее берингоморье; тогда же нами были сделаны и предположения о возможных путях этого проникновения, а именно — с Амура. Параллели данному каменному ножу мы также можем искать почти в том же районе, среди медных и бронзовых мечей и кинжалов, распространенных в Корее, Японии и Китае в конце I тысячелетия до н. э. и в первых веках нашей эры. Как видно на прилагаемом рисунке (рис. 5, б), сечение такого металлического оружия довольно близко по своей форме к сечению ножа, найденного в погребении В.

В этой связи интересно отметить, что медь по-эскимосски называется «кануя», а по-японски металл вообще и медь в особенности обозначаются словом «канэ».

Костяной инвентарь погребения В типичен для древнеберингоморских захоронений. «Крылатый предмет», орнаментированная пластинка из моржового клыка, а также другие предметы имеют многочисленные параллели с инвентарем из других погребений древнеберингоморской культуры. Нельзя этого сказать лишь об одном костяном орудии, которое в Уэленском могильнике встречено нами впервые, — выбивале из моржового клыка⁵.

Кроме описанного в настоящем сообщении комплекса сгребений, в 1960 г. удалось обнаружить еще два погребения, не представляющих особого интереса. Общая площадь, вскрытая в этом году, составила 185 м². Отсутствие захоронений на участках, окружающих ранее раскопанную площадь, а также рельеф местности дают основания думать, что вряд ли можно ожидать открытия значительного количества новых захоронений на территории, прилегающей к раскопанному в 1957—1960 гг. могильнику.

С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев

⁵ Обычно подобные орудия, предназначенные для выбивания кристаллов снега из меховой одежды, сделаны из оленьего рога.

ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА АФРИКИ АН СССР

Опубликованная в журнале «Советская этнография» (№ 6, 1960 г.) статья А. С. Орловой «О месте и роли традиционных властей африканского общества в прошлом и настоящем» вызвала оживленное обсуждение на очередном заседании Ученого совета Института Африки АН СССР.

Во вступительном слове А. С. Орлова подчеркнула, что она ставила себе целью показать, что феодальный и патриархально-феодальный уклады развились в африканском обществе задолго до колонизации и что колониальные власти опирались в своей политике на сложившиеся в африканском обществе отношения. Народы Тропической Африки шли теми же путями, что и другие народы мира. Не существует особого африканского пути, исторического развития. Детального обсуждения требуют поднятые в